

Архангельск

ИЗЪ ЛЕКЦІЙ ПО ИСТОРИИ РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ.

ПЕРВЫЕ ОПЫТЫ МИОЛОГИЧЕСКИХЪ ИЗУЧЕНІЙ.

Библіографическіе матеріалы.

Ординарнаго профессора Императорскаго Казанскаго
Университета

А. С. АРХАНГЕЛЬСКАГО.

БАЗАНЬ.
Тыпо-Литографія Императорскаго Университета.
1898.

STANFORD
LIBRARIES

52502
- 6

Печатано по опредѣленію Историко-Филологическаго Факультета
Императорскаго Казанскаго Университета.
Деканъ А. Смирновъ.

Изъ «Ученыхъ Записокъ» Императорскаго Казанскаго Универ-
ситета, за 1893 г.

ИЗЪ ЛЕКЦІЙ

ДО ИСТОРІИ РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

ПЕРВЫЕ ОПЫТЫ МИФОЛОГИЧЕСКИХЪ ИЗУЧЕНІЙ.

Интересъ къ «народности» и произведеніямъ народной поэзіи возникаетъ въ наукѣ лишь съ очень недавняго времени. Во все продолженіе XVIII в. на «народъ» смотрѣли съ особой, псевдоклассической точки зрѣнія, господствовавшей и въ литературѣ и въ обществѣ. «Французскій классицизмъ по пониманію народнаго элемента въ литературѣ былъ крайне одностороненъ; онъ относился къ народу равно фальшиво и въ исторіи и въ современности. Въ исторіи старыя времена представлялись или эпохой героической, на манеръ классической древности, какъ она понималась школой,—или эпохой патриархальности, съ невинностью первобытныхъ нравовъ, на манеръ классической идилліи и эклога,—или эпохой невѣжественной грубости. Псевдоклассицизмъ вообще презиралъ національную старину,—независимо изящнаго быта, говорившаго «грубымъ», не вылощеннымъ языкомъ,—относясь къ современной простонародной массѣ высокомерно-равнодушно: въ «народѣ» смѣшно было бы искать героевъ, въ немъ допускалась идиллическая патриархальность, а больше находили невѣжественную грубость и простоватость,—«сельскую невинность», «простоту нравовъ»... Современный народъ въ ходячихъ понятіяхъ былъ народъ «подлый»,—«правда, не въ томъ отчаянномъ смыслѣ, какой имѣетъ это слово теперь, но все таки въ смыслѣ не очень одобрительномъ». Литература псевдо-классическая, вообще рѣдко вспоминала о народѣ,—и если «народъ» вводился въ книгу, то или какъ подначальная масса, или въ чертахъ шуточно-комическихъ, или съ чувствительно-идиллическихъ...

Первыя стремленія къ народности, къ произведеніямъ народной поэзіи, и на Западѣ и у насъ возникаютъ на почвѣ романтизма. Въ числѣ

разнообразныхъ элементовъ этого трезвычайно широкаго и сложнаго движенія было и пробужденіе интереса къ народу, къ народнымъ преданіямъ, къ поэзіи, ко всей народной старинѣ. Ранѣ другихъ литературъ движеніе обнаруживается у англичанъ, потомъ въ Германіи. Въ 1765 г. въ Англіи выходитъ сборникъ народныхъ пѣсенъ еп. Томаса Перси: *The reliques of ancient english poetry* (Lond., 1765), — сборникъ старо-англійскихъ и шотландскихъ балладъ; нѣсколькими годами раньше въ печати явилась небольшая книжка Макферсона: Отрывки старинной поэзіи, собранные въ Горной Шотландіи и переведенные съ гэльскаго или эрзійскаго языка (*Fragments of ancient poetry, collected in the Highlands and translated from the gaelic or erse language. Эдинбургъ, 1760*), — первое собраніе пѣсенъ, принадлежавшихъ барду Оссіану, сына Фингала, жившему и пѣвшему свои пѣсни въ III столѣтіи, въ Горной Шотландіи... Это была гениальная фальсификація, — необыкновенно хорошо угадавшая и нѣстроеніе и потребности эпохи; извѣстно необычайно сильное впечатлѣніе произведенное изданіемъ Макферсона... Наиболѣ могущественнымъ представителемъ новыхъ, начавшихъ пробуждаться, интересовъ былъ Гердеръ (1744—1803), въ идеяхъ котораго — зародыши новѣйшихъ взглядовъ на народную поэзію и многихъ отраслей современной этнографіи и сравнительно-историческаго изученія литературы». Дальнѣйшимъ развитіемъ взглядовъ Гердера была дѣятельность братьевъ Гриммовъ, а также братьевъ Шлегелей и вообще новѣйшихъ романтиковъ. Постепенно въ литературу и науки была упрочена идея народности...

У насъ во все продолженіе XVIII в. внутренняя связь съ народнымъ преданіемъ была довольно сильной. Сахаровъ между прочимъ такъ описываетъ барскій бытъ еще очень недавняго прошлаго: «Я зналъ и доселѣ знаю обыкновеніе тульскихъ бояръ собирать пѣсенниковъ и сказочниковъ, слушать пѣсни и сказки. Потѣшники — такъ въ старину называли этихъ людей — принимали на себя всѣ увеселительныя должности. Они за деньги нанимались: лежать мѣсяцъ на одномъ боку, простоять недѣлю на одной ногѣ, бѣгать на пристяжкѣ вмѣстѣ съ лошадыю, выпивать непомѣрное число воды и т. д. Всѣ рѣдкости записывались грамотнымъ дворовымъ человѣкомъ. Потѣшники странствовали изъ одного мѣста въ другое во всю свою жизнь, и стекались толпами тамъ, гдѣ щедрость боярская давала имъ пріютъ. Потѣшника, какъ новаго гостя, приводили прежде всего посмотреть на боярскія очи. Дворецкій предлагалъ боярину искусство новаго потѣшника. Начиналась проба. Если потѣшникъ нравился боярину, то его оставляли гостить; онъ долженъ былъ и сказывать сказки, и пѣть пѣсни, и творить разныя продѣлки. Въ свободное время умный дворецкій заставлялъ его обучать дворовыхъ людей новымъ пѣснямъ и сказкамъ. Все это дѣлалось на случай, когда боярину бывало скучно, когда не являлось новыхъ потѣшниковъ. Въ скучные часы дворецкій входилъ съ новыми пѣвцами и подавалъ книгу съ чудесными пѣснями и сказками»... Припомнимъ также тѣхъ дворовыхъ, которые иногда дѣлались воспитателями своихъ барчатъ, — «дѣ-

декъ», «мамокъ» и нипей стараго барскаго быта; извѣстно, въ какой степени считалъ себя обязаннымъ своей няни Пушкинъ...

Интересъ къ произведеніямъ народной поэзіи поддерживался собираніемъ и записываніемъ самыхъ произведеній, существованіемъ особаго рода рукописныхъ сборниковъ,—нѣсколько такихъ сборниковъ дошло до насъ отъ XVII—XVIII в.; такъ у Чулкова было «собраніе древнихъ богатырскихъ пѣсенъ», позднѣе сгорѣвшее; извѣстенъ сборникъ «Кирши Данилова», изд. подъ названіемъ: *Древнія російскія стихотворенія*, и нѣск. др.

Уже съ самаго начала XVIII ст., иногда, время отъ времени, и у насъ высказывались болѣе здравыя представленія о народной поэзіи; такъ замѣчательны взгляды на этотъ предметъ, высказывавшіеся Тредьяковскимъ. Извѣстно его обращеніе къ «поэзіи нашего простаго народа», какъ къ источнику для изученія законовъ русскаго стихосложенія; смѣлость, съ которой Тредьяковскій рѣшился признать «сладчайшее, пріятнѣйшее и правильнѣйшее разнообразныхъ ея стопъ, нежели тогда греческихъ и латинскихъ, паденіе»,—дѣлаетъ честь его ученымъ представленіямъ и природному вкусу. Многія изъ народныхъ произведеній онъ считаетъ очень древними, и вообще «простонародное стихотворство, по мнѣнію Тредьяковскаго, зазираемо не основательно»... Любопытно мнѣніе Болтина (1735—1792) о необходимости строгаго, вѣдъ всякаго производа, изученія и толкованія памятниковъ и возрѣній народа. Болтинъ сознаетъ необходимость критическаго изученія старины. Такъ, по поводу помѣщеннаго въ «Досугахъ» (Спб., 1772) Попова «Краткаго описанія славянскаго баснословія» Болтинъ замѣчаетъ: «Г. Поповъ, будучи въ древностяхъ славянскихъ мало свѣдующъ, внесъ въ свое баснословіе все, что ему ни попалося безъ разбору, и многія такія вещи подъ статью боговъ помѣстилъ, кои никогда славянами боготворимы не были»... Всѣ эти и подобныя взгляды были однакожъ исключеніями. Какими были вообще тогдашнія наши этнографическія понятія, показываютъ напр. заботы Татищева († 1750), чтобы сказанное имъ «о мерзости идолослуженія» не принято было нѣкіими «безумными» за то, что «яко бы я оное съ почитаніемъ святыхъ мужей или иконъ равняю»... Для характеристики господствовавшихъ у насъ въ XVIII вѣкѣ взглядовъ на народъ и его поэзію, любопытно также отмѣтить нѣкоторыя подробности во взглядахъ того же Болтина. Болтинъ хорошо знакомъ съ народнымъ бытомъ, народными преданіями и обычаями, памятниками народной поэзіи; въ своихъ историческихъ изслѣдованіяхъ онъ нерѣдко пользуется этимъ живымъ матеріаломъ, приводитъ народныя пѣсни, повѣрья, пословицы, какъ остатокъ и свидѣтельство минувшихъ временъ; Болтину извѣстны и произведенія былинной поэзіи,—но къ послѣднимъ онъ относится недовѣрчиво, не придаетъ имъ большой древности; для изображенія древнѣйшаго быта, по его мнѣнію, нужно обращаться не къ этой народной поэзіи, а къ памятникамъ письменнымъ. Былинная поэзія вообще «не пользуется сочувствіемъ Болтина ни съ исторической, ни съ поэтической стороны. Пѣсни объ Ильѣ Муромцѣ, о пиррахъ князя Владимира, и проч., по мнѣнію Болтина,—

пѣсни «подлая», безъ всякаго складу и ладу. «Подлинно таковыя пѣсни замѣчаетъ онъ, изображаютъ вкусъ тогдашняго вѣка, но не народа, а черни, людей безграмотныхъ и, можетъ быть, бродягъ, кои ремесломъ симъ кормились, что слагая таковыя пѣсни, пѣли ихъ для испрошенія милостыни,—подобно тому, какъ и нынѣ нищіе, а не слѣпые, слагая нелѣпыя стихи, поютъ ихъ, ходя по торгамъ, гдѣ чернь собирается. Сказанныя пѣсни такого жъ точно рода, какъ сіи нищенскія, называемыя стихами, и сочинены подобными авторами; слѣдовательно вкуса и нравовъ и а р о д а изображать не могутъ»... На памятники народной поэзіи, на народную поэтическую старину смотрѣли вообще больше съ точки зрѣнія литературной, обращались къ ней «для увеселенія читателей». Этнографія еще не отдѣлялась отъ поэзіи, или вообще творчества, этнографъ и поэтъ взаимно пользовались услугами одинъ другого. Херасковъ въ своей «Россіадѣ» пользуется «Описаніемъ славянскаго баснословія» М. Попова; въ свою очередь Григорій Глинка въ «Древнюю религію славянъ (1801)» вноситъ вычитанное у Хераскова, и «морского царя» описываетъ по «Петриадѣ» Ломоносова... Лишь съ самого конца XVIII в. начинаютъ все замѣтнѣе пробиваться въ нашей литературѣ новыя теченія. Все чаще появляются люди, которые начинаютъ интересоваться произведеніями народной поэзіи, начинаютъ ее цѣнить,—дѣлаютъ первыя попытки къ перенесенію ея въ область изящной литературы, начинаютъ писать стихи народнымъ складомъ, дѣлаютъ наконецъ первыя попытки къ ея собранію и изданію...

Первыми трудами этого рода были сборники М. Д. Чулкова († 1793) и М. Попова († 1790). Первому принадлежали:

— *Собраніе разныхъ пѣсенъ* (4 ч., Сиб., 1770—1774 г.; вт. изд.—М., 1780—81; третье—М., 1788). Здѣсь впервые, рядомъ съ искусственными романами, являлись въ печати пѣсни чисто народныя; по счету Сахарова, изъ 800 пѣсенъ у Чулкова 336 народныхъ.

— *Русскія сказки, содержащія древнѣйшія повѣствованія о славныхъ богатыряхъ, сказки народныя и прочія, оставшіяся черезъ пересказываніе въ памяти приключенія* (М., 1780—1788. 10 ч.; позднѣе вышло нѣсколько сокращенное изданіе, третье,—въ 6 ч., М., 1820). Въ предисловіи къ своимъ «Сказкамъ» Чулковъ замѣчаетъ, что издаваемые имъ «повѣствованія» рассказываются «въ каждой харчевнѣ», и что «сіи сказки русскія» онъ издаетъ «съ намѣреніемъ сохранить сего рода наши древности и поощрить людей, имѣющихъ время, собрать все оныхъ множество»... Но сюда же издатель включаетъ и таковыя сказки, «которыхъ никто еще не слыхивалъ» т. е. имъ сочиненныя...

— *Словарь русскихъ суеврій* (М. 1782; второе дополненное изд.: *Абесса русскихъ суеврій, идолопоклонническихъ жертвоприношеній, свадебныхъ простонародныхъ обрядовъ, колдовства, шеманства и проч., сочиненная* М. Ч., М., 1786),—«первая чисто этнографическая попытка своего времени».

— *Пересмѣшникъ, или славянскія сказки* (5 ч., М., 1783—1785; 3-е изд. М., 1789).

Издания М. П о п о в а:

— *Краткое описание древняго славенскаго языческаго баснословія* (1768; втор. изд. въ «Досугахъ или собраніи сочиненій и переводовъ». Спб., 1772.

— *Древности славенскія или Приключенія славенскихъ князей*, 3 ч., (М., 1770—1771; 2-е, 1778; 3-е, М., 1794).

— *Вечерніе часы, или древнія сказки славянъ древлянскихъ* (6 ч., М., 1787—1788).

— *Повѣствователь русскихъ сказокъ, и Продолженіе* (2 ч., М., 1787).

— *Россійская Эрата, или выборъ наилучшихъ новейшихъ пѣсенъ* (1791 и позднѣйшія изданія).

Болѣе серьезными изданіями были:

— *Собраніе русскихъ народныхъ пѣсенъ съ ихъ волосами, положенныхъ на музыку Иваномъ Прачемъ* (Спб., 1790; второе изд., Спб., 1806; третье, Спб., 1815), гдѣ является «уже серьезная теоретически обдуманная работа надъ русскими пѣснями»,—и упомянуты выше

— *Древнія Россійскія стихотворенія*, собранныя Киршемъ Даниловымъ, изд. сначала въ 1804 г., позднѣе, съ дополненіями, въ 1818 г.

Изученію древности почти во всѣхъ этихъ трудахъ не придается еще никакого научнаго значенія: собиратели даже не подозреваютъ, что затрогиваемая ими область можетъ быть предметомъ какого-либо научнаго интереса. На народную «древность» смотрятъ съ точки зрѣнія чисто литературной, повѣстической, какъ на средство простого увеселенія, безъ всякой мысли о какой-либо наукѣ. «Сіе сочиненіе — замѣчаетъ напр. Поповъ о своемъ «Описаніи» — сдѣлано больше для увеселенія читателей, нежели для историческихъ справокъ, и больше для стихотворцевъ, нежели для историковъ»... Другой собиратель, нѣкто Григорій Глинка въ своей «Древней религіи славянъ» (Митава, 1801) простоудушно заявляетъ: «Описывая произведенія фантазіи или мечтательности (!), я думаю, что не погрѣшу, если при встрѣчающихся пустотахъ и недостаткахъ въ ея произведеніяхъ буду дополнять собственною подъ древнюю статью фантазіею...» (!!!) Образчикомъ «ученыхъ» изслѣдованій можетъ служить напр. работа Кайсарова: *Versuch einer slavischen Mythologie in alphabetischer Ordnung* (Göttingen, 1804; русское изд. — 1807 г.), встрѣченная съ уваженіемъ даже Добровскимъ, лучшимъ тогдашнимъ знатокомъ славянства, — и этимъ характеризуется степень тогдашнихъ научныхъ требованій въ отношеніи къ изученію славянской мифологической старины, господствовавшихъ даже въ западной наукѣ.... — Пользуемся трудомъ Пипина, Ист. рус. этногр., I, стр. 64. 73—77. 157 и т. д. Ср. Геттнера, Ист. всеобщ. лит. XVIII в., I, 1863, стр. 374—376. 453—459. О нашихъ старинныхъ сборникахъ народной поэзіи см. Майкова, — Ж. М. Н. Пр., 1880, ноябрь.

Замѣчательнымъ явленіемъ для своего времени была книжка П. Строева: *Краткое обзорніе мифологіи славянъ Россійскихъ* (М., 1815; первонач. въ «Соврем. Наблюдателя Россійской словесности», 1815 г.). «Обзорніе»

отличается чрезвычайно здравымъ взглядомъ на предметъ. Объ источникахъ для изученія слав. мѣологіи авторъ замѣчаетъ: «Мы имѣемъ весьма слабое понятіе о баснословіи славянъ. Немногія извѣстія дошли до насъ чрезъ историковъ иностранныхъ, а собственныя наши лѣтописи почти (подчерки. авторомъ) ничего не сохранили... Можетъ статься, и были какія нибудь стихотворныя повѣсти, передаваемыя изустно; но гдѣ они? Монахи, единственные наши историки, старались умалчивать о мѣніяхъ и обрядахъ языческихъ... Остается только прибѣгнуть къ народнымъ преданіямъ, пѣснямъ и сказкамъ; но можно ли на нихъ положиться и дошли ли они къ намъ въ первомъ ихъ видѣ? Время и перемѣны политической уже ли на нихъ не дѣйствовали?»... Авторъ рѣзко разграничиваетъ мѣологическія воззрѣнія русскихъ славянъ отъ воззрѣній другихъ славянскихъ племенъ: «Мѣнія религій сербовъ, поляковъ, моравовъ и другихъ народовъ славянскаго поколѣнія ни мало не принадлежатъ къ мѣологіи славянъ русскіихъ,—такъ какъ и мѣнія сихъ послѣднихъ отнюдь не должны относитъ къ мѣологіи котораго нибудь изъ оныхъ». Таковы западно-славянскіе Свѣтовицы, различныя Флинцы, Крадо, Радегасты «и множество другихъ боговъ, какими г. Кайсаровъ наполнилъ свою Мѣологію. Истинная (подчерк. авт.) славяно-русская мѣологія должна ограничиться только семью (подч.) богами, коихъ изображенія поставлены были въ Кіевѣ в. к. Владиміромъ». Это — Перунъ, Волосъ, Дождь-богъ, Стрибогъ, Хорсъ, Семаргла и Мокошь или Мкошь. Но едва ли не слѣдуетъ сократить и число семь; «что касается до Хорса, Семарглы и Мокоши, замѣчаетъ изслѣдователь, то кажется, что они были божества совсѣмъ не славянскія, а либо финскія, либо скандинавскія»... Въ концѣ своего строго-критическаго «обозрѣнія», изслѣдователь замѣчаетъ: «Вотъ всѣ или почти всѣ (подч. авт.) извѣстія о славянской мѣологіи... Я говорю всѣ для того, что эти Услады, Купалы, Зиметерлы, Полели, Дашубы, Диды, Лады, Лели и проч. и проч., о коихъ столько до сихъ поръ говорено было,—существовали, кажется, въ одномъ воображеніи повѣствовавшихъ объ нихъ писателей. Они думали, что у славянъ непременно должно существовать быть ни больше ни меньше боговъ, сколько было ихъ у грековъ и римлянъ, и для того старались замѣнить вымышленными, на словопроизводствѣ основанными именами тѣхъ боговъ, о коихъ не находили никакихъ извѣстій»... *Краткое Обзоріе*, стр. 9—12. 16—17. 21. 37. 41—42.

Исторія Карамзина, тѣ страницы ея I-го тома, которыя посвящены характеристикѣ древнѣйшей мѣологіи славянъ (по изд. Эйнерлинга, кн. I, Спб.. 1842, стр. 48—62) отчасти представляла сводъ господствовавшихъ воззрѣній и мѣній въ тогдашней наукѣ, отчасти—и это самое важное—являлась попыткой къ критикѣ. Какъ и Страховъ, Карамзинъ весьма значительно сократилъ число боговъ и богинь,—

хотя и оставленных имъ было болѣе чѣмъ достаточно. Вотъ его выводы: Славяне имѣли понятіе о Богѣ «единственномъ и вышнемъ, Коему, по ихъ мнѣнію, горнія небеса, украшенныя свѣтилами лучезарными, служатъ достойнымъ храмомъ, и Который печется только о небесномъ, избравъ другихъ и нижнихъ боговъ, чадъ своихъ, управлять землею. Этого, кажется, именovali они преимущественно *Былымъ Богомъ*, и не строили Ему храмовъ, воображая, что смертныя не могутъ имѣть съ нимъ сообщенія и должны относиться въ нуждахъ своихъ къ богамъ второстепеннымъ... Зло въ мірѣ Славяне Балтійскіе приписывали существу особенному, всегдашнему врагу людей,—именовали его *Чернобогомъ*, старались умилостивить его жертвами... онъ изображался въ видѣ льва... Между богами добрыми славился болѣе прочихъ *Святовидъ*, котораго храмъ былъ въ городѣ Арконѣ, на островѣ Рюгенѣ... Народъ Рюгенскій поклонялся еще тремъ идоламъ: *Рюгевиту* или Ругевичу, *Поревиту* и *Поренуту*... Главный идолъ въ городѣ Ретрѣ назывался *Радегастъ*. *Сива*, можетъ быть, *Жива*, считалась богиней жизни,—ея храмъ былъ въ Рацбургѣ; въ Далмаціи она называлась *Фрихія* (Фрея)... Кромѣ названныхъ, божествами славянъ были: *Числобогъ*, «знаменоваль, кажется, мѣсяцъ», *Ипабогъ*, богъ звѣриной ловли, *Зибогъ* или *Зембогъ*, духъ земли, *Немиза*, богъ вѣтровъ и воздуха,—*Триглавъ*, *Припекала*, можетъ быть, богъ любострастія (въ Юлнѣ), *Геровитъ* или *Яровидъ*, богъ войны (въ Гавельбергѣ и Волгастѣ), *Провъ*, богъ правосудія, *Подана*—*Поюда*, богъ звѣроловства или же ясныхъ дней (въ Вагріи), *Гениль*, покровитель собственности (въ Мерзебургѣ) и т. д. Кромѣ своихъ, туземныхъ, были заимствованные—изъ Скандинавіи (*Водавъ*), изъ Литвы (*Перкунь*), изъ Греціи и т. д. Говоря о божествахъ русскихъ славянъ, Карамзинъ первое мѣсто ими отводитъ *Перуну*, «богу молніи, верховному міроправителю»,—за нимъ упоминаетъ о *Хорсѣ*, *Дажьбогѣ*, *Стрибогѣ*, *Самарѣ*, *Мокоши*, *Волосѣ*, *Ладѣ*, богѣ любви и веселья; въ разрядъ боговъ русскихъ славянъ Карамзиннымъ зачисляются также *Купало*, богъ земныхъ плодовъ, и *Коляда*, богъ торжества и мира; наконецъ, упоминаются *лѣшіе*, *русалки*, *домовые*, *кикиморы*...—Не смотря на попытку къ критикѣ, трудъ Карамзина, какъ видимъ, составляетъ для нея еще слишкомъ много мѣста. И Карамзинъ и его предшественники (а отчасти и болѣе поздніе изслѣдователи, напр. Раковецкій, Нарушевичъ)—заботились лишь о «богахъ» и «богиняхъ», трудолюбиво собирали ихъ имена, подкладывали подъ нихъ готовые нравственные или физическія толкованія и ни мало не стѣснялись тѣмъ, что эти безжизненные образы идутъ въ разрѣзъ съ живою историческою дѣйствительностью... Весь результатъ этихъ попытокъ—какъ видимъ это на Карамзинѣ—не пошелъ далѣе устраненія изъ міеологической славянской древности нѣкоторыхъ именъ мнимыхъ божествъ, изобрѣтенныхъ фантазіей старинныхъ міеографовъ XVII—XVIII вв. Нужно было большее знакомство съ самымъ этнографическимъ матеріаломъ, болѣе внимательное изученіе этого матеріала и мѣстѣ, въ живыхъ преданіяхъ и воззрѣніяхъ народа, въ живыхъ сохранившихся памятникахъ его поэзіи.—Первые труды въ этомъ отношеніи принадлежали Сахарову, Терещенку и Снегиреву.

Труды И. П. Сахарова—(1807—1863) и А. В. Торешенка—(1806—1865) показывают, какъ своеобразно, совсѣмъ ненаучно, понимались на первыхъ порахъ самыя приемы собиранія и изученія этнографическаго матеріала,—и вмѣстѣ, какими скорыми шагами шло у насъ это изученіе. Последнее особенно видно на личности Сахарова: имя его, быстро пріобрѣта въ наукѣ популярность и авторитетъ, еще быстрѣе потеряло и то и другое, при дальнѣйшей разработкѣ затронутой имъ спеціальности. Изданія Сахарова начали появляться съ 30 гг., быстро слѣдуя одно за другимъ (Сказанія русскаго народа о семейной жизни своихъ предковъ, ч. I, Спб., 1836; изд. втор.—1837; ч. II, Спб., 1837; ч. III, Спб., 1837.—Путешествія русскихъ людей въ чужія земли; ч. I—II, Спб., 1837.—Пѣсни русскаго народа, ч. I—II, Спб., 1838, ч. III—V, Спб., 1839); въ 1841 г. вышло новое изданіе: *Сказанія русскаго народа. Т. I. Спб., 1841*, куда вошли отчасти прежнія изданія, отчасти новое содержаніе. Томъ распадался на четыре книги: 1. Русская народная литература. — Очерки семейной русской жизни. — Русскія народныя пѣсни. — Памятники древней русской литературы. Здѣсь же, въ предисловіи къ первому тому, излагался планъ дальнѣйшихъ, намѣченныхъ издателемъ, работъ; планъ не могъ не поразить своей обширностью. По плану, второй томъ (кн. 5—8) должны были составить: Старше словари русскаго языка. — Русскія народныя свадьбы. — Русская народная годовщина. — Путешествія русскихъ людей. — Томъ третій (кн. 9—12): Русская народная демонологія. — Словари русскихъ областныхъ нарѣчій. — Русскія нар. охоты. — Сказанія о русскомъ народномъ врачеваніи. — Томъ четвертый (кн. 13—16): Русская нар. символика. — Лѣтопись русской библіографіи. — Русскія нар. повѣрья и примѣты. — Русскія нар. пословицы. Томъ пятый (кн. 17—20): Лѣтопись древнихъ искусствъ и художествъ. — Лѣтопись славяно-русскихъ типографій. — Лѣтопись русской литературы. — Русскія нар. сказки. Томъ шестой (кн. 21—24): Записки русскихъ людей. — Обзорніе русскихъ гербовъ и печатей. — Русскія народныя одежды. — Томъ седьмой (кн. 25—30): Родословная книга русскихъ дворянскихъ родовъ. — Лѣтопись русской нумизматики. — Образцы великорусскихъ, бѣлорусскихъ и малорусскихъ нарѣчій. — Славяно-русская мнѣология. — Русскіе разрядные списки. — Приложенія и указатели. — Въ 1849 г. вышелъ II т. *Сказаній* (кн. 5—8), куда вошли: старше словари рус. языка (Лексиконъ Памвы Беринды, Литовско-русскій словарь Л. Зизанія, Азбуковникъ XVII в., Новгородскій словарь XV в.); Русскія нар. свадьбы (Русскія древнія свадьбы, свадьбы частныхъ людей въ XVII., Русскія свадебныя чиноположенія); Русская народная годовщина (нар. дневникъ, нар. праздники и обычаи); Путешествія русскихъ людей (игум. Данила, Стефана новгородца, Іеродіакона Зосимы, діакона Арсенія Селунскаго, дьяка Александра, инока Симеона Суздальскаго, легенда о путешествіи игуменіи Евфросиніи, дьякона Игнатія, Василия Гатары, Θεодора Байкова, Трифона Коробейникова и